

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 383-392. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.383
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Revolution of 1905 in Irkutsk and Criminality

Alexander Ivanov ^{a,*}, Anastasia Danchevskaya ^b

^a Irkutsk State University, Russian Federation

^b Irkutsk State Transport University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the investigation of the influence of the First Russian Revolution in Irkutsk on the growth of criminality. The authors studied documentary materials and came to the conclusion that the events in Saint-Petersburg and in Irkutsk were of a natural and have become a manifestation of the inability of the autocratic state to respond flexibly and in a timely manner to the "challenges of the times". The overwhelming majority of Irkutsk residents met with enthusiasm and approval democratic changes: freedom of speech and assembly, freedom of formation of unions and public organizations. But revolutionary events contributed to creating the illusion of permissiveness, led to the growth of political extremism. This manifested itself in the murders of senior officials, expropriations, and in the growth of crime. Its growth began in 1904 in connection with the Russian-Japanese War and intensified in 1905 against the backdrop of the development of the revolutionary strike movement. Mass arming of the population led to an increase in the number of serious crimes: murders and robberies. Disagreements between the administrative authorities and local government did not allow increasing to the necessary size the city police staff or formally create subordinate to the city дума people's squads. Thus, power could not withstand the growth of crime, and spontaneously created self-defense units themselves became a threat to the population.

Keywords: revolution 1905, radical sentiments, Russian-Japanese War, the October strike, crime, murders, self-defense squads, Irkutsk, Eastern Siberia.

1. Введение

Уголовная преступность как социальное явление долгое время оставалась за пределами научных интересов российских историков. При этом исследователями широко изучены проблемы так называемой «политической преступности», точнее, истории возникновения и деятельности политических организаций и партий, в первую очередь, социалистических, поскольку их борьба с монархическим государством являлась основополагающей для советской идеологии. Вот почему исторические исследования, посвящённые вопросам возникновения и развития именно уголовной преступности, появляются лишь с началом нового тысячелетия.

Как известно, возрастание преступности в той или иной степени всегда сопровождает моменты политической и экономической нестабильности, что и обуславливает актуальность заявленной проблемы. Исследование уголовной преступности представляет интерес в контексте изучения последствий, которые повлекли за собой военные и революционные события начала XX в. в России. 1905 год в российской истории стал годом, когда на тяготы Русско-японской войны наложились проблемы, ускоренные революцией, что не могло не повлиять на ухудшение криминогенной ситуации. Иркутск же был городом, в котором хоть и не велись военные действия, но вкус военного времени ощущался отчётливо. С началом войны город наполнили солдаты, в госпиталях размещались раненые, число которых к началу 1905 г. достигло 20 тыс. ([Иркутск в панораме веков, 2002: 242](#)), что для шестидесятитысячного города составляло большую проблему. При этом часть

* Corresponding author

E-mail addresses: ottisk@irmail.ru (A. Ivanov), vashan16@mail.ru (A. Danchevskaya)

уголовных преступлений совершалась из идейных соображений и политических убеждений представителей оппозиционных сил.

2. Материалы и методы

В качестве методологической основы исследования были избраны принципы объективности и историзма. Это позволило наиболее полно воссоздать картину событий 1904–1905 годов в Иркутске, показать их развитие, а также объективный и субъективный характер. Революционная анархия неизбежно влечет потерю авторитета законной власти и приводит к росту политической и уголовной преступности. В статье использовались нарративный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный, компаративный методы, что дало возможность исследовать значительное количество архивного и историографического материала.

Документальную базу исследования составили материалы фондов Государственного архива Иркутской области РФ (ГАИО), материалы местной периодической печати начала XX века, летописные своды и хронологический перечень, материалы официальной статистики. Необходимо отметить, что для более полной картины событий, не достаёт полицейской криминальной статистики по городу за 1905 год, однако в фондах ГАИО таковая статистика практически отсутствует. Поэтому основные события нашли своё отражение преимущественно на страницах местной печати как в отдельных статьях, так и в разделах «хроника». И этот источник нельзя считать исчерпывающим, так как периодические издания в это время не выпускались, как это было с газетой «Иркутские губернские ведомости» (Романов, 1994: 59).

3. Обсуждение

Проблему роста уголовной преступности на фоне развития революционных событий в России впервые исследовал известный российский и советский юрист М.Н. Гернет в работе «Революция, рост преступности и смертная казнь» (1917). Рост преступности в России в 1917 г. он связывал в первую очередь с ростом маргинального контингента, порождённого Первой мировой войной, глубокими социальными и экономическими противоречиями, не решёнными царским правительством.

В зарубежной историографии первая российская революция и сопутствовавшие ей процессы, том числе рост уголовной преступности, изучены достаточно широко. Первым исчерпывающим трудом на английском языке стала двухтомная работа Абрахама Ашера (Ascher, 1988), в которой автор отмечал, что во время событий 1905–1907 гг. полиция не была эффективной по причине недофинансирования, что могло способствовать росту правонарушений. Орландо Файджес (Figes, 1998) констатировал, что не всё насилие в городах являлось следствием враждебности рабочего движения. Наблюдался рост всевозможных форм насилия с нарушением закона и порядка, от хулиганства и убийств до пьяных беспорядков и вандализма. При этом бессилие и бездействие полиции заставляли общественность создавать группы надзирателей и устраивать самосуд на улицах.

Проблему преступности в беспокойный период начала XX в. в России рассматривали Цүёси Хасегава (Hasegawa, 2017) и Нейл Вайсман (Weissman, 1978). В труде Хасегава найдено отражение история развития преступности на фоне революции 1917 г., с которой ни старая, ни новая власть не имели возможности справиться. Отмечая значительный рост тяжких преступлений в Петрограде, автор приходит к выводу о том, что росту преступности во многом способствовали неопытность вновь созданного милицейского аппарата и паралич пенитенциарной системы. Вайсман посвятил свою статью изучению такого вида преступлений как хулиганство в сельской местности в период с начала революции 1905 г. до начала Первой мировой войны.

Существует также ряд работ, авторы которых делают акцент на радикальных проявлениях революционной борьбы, имевших уголовную сущность: убийства и покушения на государственных служащих и политических деятелей членами оппозиционных «боевых организаций». (Портнягина, Патрикеева, 2017; Павлов, 2015). Некоторое внимание уделяется проблеме взаимопроникновения криминалитета и большевистской власти как в постреволюционное время, так и в предшествовавший ему период (Тепляков, 2015).

Проблеме роста уголовной преступности в Иркутске в 1905 г. посвящали свои работы А.А. Сысоев (Сысоев, Рубцов, 2001) и М. Куделя (Куделя, 2017). А.А. Сысоев обратил внимание на неспособность полицейского ведомства противостоять резко возросшей в городе преступности, что заставляло городскую общественность брать на себя вопросы сохранения порядка на улицах. М. Куделя обратился к подробному изучению обстоятельств глазковского погрома (декабрь 1905 г.), повлёкшего за собой смерть нескольких человек. Этот погром стал в городе единственным подобным событием, которое не имело под собой политических мотивов.

Таким образом, проблема уголовной преступности во время революций в России изучена достаточно широко. Тем не менее, большая часть работ посвящена событиям 1917 г. и после, когда произошли смена власти, распад Российской империи и гражданская война. Период 1905–1907 гг. изучен менее масштабно и преимущественно в контексте радикальных проявлений борьбы оппозиционных сил с самодержавной властью.

4. Результаты

Более 110 лет назад произошла Первая русская революция, начавшаяся с печальных событий 9 января 1905 г. в Петербурге, всколыхнувшая всю Российскую империю. Обостренный проигранной Русско-японской войной революционный кризис обнажил проблемы внутренней политики царской власти: отсутствие минимальных демократических свобод, игнорирование интересов рабочего класса и другие. Озабоченная вопросами сохранения политического строя и борьбы с нараставшими оппозиционными настроениями и силами, власть практически бездействовала в отношении проявлений криминальной активности, не имевшей политической подоплёки.

Возрастание преступности в городе началось ещё в 1904 г. вместе с началом войны и усилилось к осени. В течение двух недель погибло несколько извозчиков. Например, в ночь на 12 октября несколько неизвестных убили извозчика на Дворянской улице (ИГВ, 1905: 3870), а на его лошади попытались ограбить собор и, не преуспев, двинулись к Крестовоздвиженской церкви, где напали на караульного, но внутрь церкви всё же попасть не смогли и забрали соборную кружку с мелочью. О возрастании преступности и бездействии полиции свидетельствует также тот факт, что тогда же, в октябре 1904 г., один из горожан выразил инициативу открыть на Арсенальской площади бесплатную чаевую для неимущих, предусматривавшую выдачу хлеба. Мотивом инициативы стало предположение о возможном сокращении преступности, «сильно увеличившейся в последнее время» (ИГВ, 1905: 3870).

Росту преступности в городе способствовало освобождение по амнистии около 800 человек из Александровской центральной тюрьмы (ИГВ, 1905: 3871) и ещё около 200 – из Иркутского тюремного замка (Рекунова, 2012: 139), которые отправлялись на «городские промыслы». Кроме этого, каждую осень ряды маргинального контингента в городах пополняла так называемая «ангарщина» – рабочие с рыбных, охотничьих и горных промыслов, которые, проведя несколько месяцев в изоляции и получив расчёт, имели средства и желание к разгульной жизни. Полученные деньги быстро растрчивались, а безработные сезонные рабочие были вынуждены искать средства к жизни, часто криминальным путём. Редактор «Восточного обозрения» И.И. Попов вспоминал об этом времени: «Я ходил с револьвером и с испанской перчаткой в карманах. Как-то вечером на Луговой улице, недалеко от полицейского управления, два молодца подошли ко мне и попросили закурить... я был настороже и дал одному в зубы испанской перчаткой, другого ударил по голове револьвером и бросился бежать» (Попов, 1989: 225).

Административная власть региона осознавала степень беспомощности полиции ввиду малочисленности её служащих и понимала, какие именно категории населения представляют опасность усиления криминогенности. Из доклада общему присутствию иркутского губернского управления по вопросу об усилении штата иркутской городской полиции от 1 декабря 1904 г. следует, что «ссылный элемент... образыва[л] в городе целые шайки воров и грабителей и время от времени наводи[л] ужас даже на местных жителей, причём особенно резко проявление преступности замеча[лось] у ссыльных с Кавказа, которыми так изобил[овала] Иркутская губерния и в частности г. Иркутск» (ИИГД, 1904: 400). Поэтому общее присутствие ходатайствовало об увеличении штатов иркутского городского полицейского управления. Проект предполагал введение третьей должности столоначальника в городском полицейском управлении, увеличение числа чинов наружной полиции: конных стражников с 10 до 30 человек, старших городских на два, младших городских на 18, а также введение 13 должностей полицейских служащих и рассылных (ИИГД, 1904: 414–415). На начало 1905 г. в штате непосредственно отделения иркутской полиции числилось всего лишь 12 человек: полицейстер, его помощник, а также приставы четырёх частей и их помощники. В марте городская дума отклонила предложение о введении новых полицейских должностей под тем предлогом, что усиление полиции вызвано не столько нуждами городского населения, сколько общегосударственными потребностями (Романов, 1994: 52).

Большинство преступлений в городе совершалось в тёмное время суток, а полицейских служащих физически не хватало для несения ещё и ночного караула. В ночь на 9 января в Иркутске на Успенской площади солдаты 2-го Сибирского батальона Д. Карпов и Н. Садовников посредством насилия ограбили извозчика Ф. Слива. Ночью 14 января четырьмя неизвестными было совершено разбойное нападение на дом владельца мелочной лавки Х. Аванесова, который был убит, а его сожительница Н. Ягодинская была найдена в тяжёлом состоянии. Тогда же по Большой ул. в магазине Эпштейна была совершена крупная кража на сумму 2 тыс. руб. золотых, серебряных и бриллиантовых вещей, которые хранились в стеклянных витринах, открытых поддельными ключами (Сысоев, 2013: 172).

Расстрел демонстрации петербургских рабочих 9 января 1905 г. вызвал широкий общественный резонанс по всей стране, в том числе и в Иркутске. О трагедии в столице иркутяне узнали от И.И. Попова, бывшего в начале января в Москве и отправившего телеграмму в «Восточное обозрение». «Вернувшийся в Иркутск Попов «сделал несколько докладов» по поводу расстрела рабочих в Петербурге. Весь город был возмущён произошедшим, повсюду начали проводиться митинги. 12 января на митинг протеста, организованный Иркутским комитетом РСДРП, вышли 40 рабочих железнодорожного депо (Рабочее движение, 1990: 55).

В этих условиях продолжалась своеобразная «охота» на извозчиков. В течение первых двух месяцев пострадали от нападений минимум пять человек, двое из которых умерли от полученных ран. Так, 28 февраля вечером у р. Ангары бежавшие из Мукдена дезертиры И. Мельников и И. Белов напали на извозчика А. Канума. Один из злоумышленников нанес Кануму удар по голове стальным обломком, завернутым в бумагу, и сшиб его с козел, но извозчик успел крикнуть о помощи и нападавших задержали (Сысоев, 2013: 174). Главной добычей «лихих людей» в этом случае становились лошади и кошёвка (Ефремова, 2000), а потому имевшие их, всегда были под угрозой ограбления. Нападения осуществлялись и на простых крестьян, у которых так же отбирались лошади с упряжью и кошева.

В конце января 1905 г. в городе разразился продовольственный кризис, отсутствовали крупчатка, керосин, сахар, свечи, мяса хватало лишь на февраль (ИИГД, 1905: 108). Дефицит продуктов и товаров первой необходимости привёл к появлению спекуляций. Так, 11 апреля купец Грейсер на хлебном базаре повысил цену на муку второго сорта до четырёх рублей, тогда как у других она в тот день продавалась по 2 р. 40 к. В ответ на это негодующие покупатели напали на лавку и разграбили её (Романов, 1994: 53).

До октябрьских событий 1905 г. иркутские эсдеки и эсеры провели ещё три митинга: 31 мая возле деревни Малой Разводной; 3 июля в Иркутске по поводу похорон рабочего железнодорожного депо, погибшего из-за несоблюдения администрацией техники безопасности; и 31 июля в конце Большой Русиновской улицы – митинг около тысячи типографских рабочих, приказчиков, учащихся, переросший затем в демонстрацию на Большой и в Интендантском саду, организованные в поддержку стачки читинских железнодорожников (Рабочее движение, 1990: 89, 97, 105).

Примечательно, что во время митингов, собиравших в одном месте множество людей, преступлений замечено не было. Даже карманники, орудовавшие в Интендантском саду в любое другое время, никак себя не проявляли. Корреспондент «Иркутских губернских ведомостей» в номере от 8 июля писал: «Факт ограбления человека в задней темной аллее заставляет желать, чтобы в городском саду освещение было усилено, особенно в углах сада... Рыцарей же карманной индустрии расплодилось так много, что скоро на афишах о гуляньях будет фигурировать фраза: «просят беречься воров» (ИГВ, 1905: 4106).

Как видим, в 1905 г. оппозиционные настроения захватили значительную часть горожан, что было следствием неудач на фронте, а также снижения уровня жизни, вызванного войной. В оппозиционное движение были вовлечены самые различные слои иркутского общества – от радикально настроенных рабочих и приказчиков, социал-демократов и эсеров до либеральной интеллигенции. При этом все слои, существенно расходясь в методах и формах борьбы, требовали смены (свержения) самодержавия, установления демократической республики, созыва Учредительного собрания. «Весной 1905 г., – писал И. И. Попов, – барометр общественной жизни в Иркутске, да и вообще в Сибири, поднялся высоко и уже не падал вплоть до января 1906 г.» (Попов, 1989: 251).

Стихия революционных событий прививала людям чувство некоей вседозволенности. Так, 24 июля вечером во дворе одного из иркутских домов производились выстрелы. Корреспондент «Губернских ведомостей» сообщал, что стрельба по ночам в районе Ланинской ул. между Большой и графа Кутайсова представляла собой частое явление, и ей занималась учащаяся молодежь (ИГВ, 1905: 4121). В ноябре новобранцы-призывники разграбили лавку на углу Почтамтской и Дегтярёвской, а затем пошли в полицию вызывать арестованных товарищей, причем настояли на удалении из присутствия военной стражи (Романов, 1994: 63).

Осенью 1905 г. центр России бурлил, здесь бастовали рабочие и служащие, студенты и учителя. Как известно, Октябрьская забастовка началась в Москве: 7 октября было остановлено движение на линии Московско-Казанской железной дороги, а через три-четыре дня бастовали рабочие 11 железных дорог, служащие многих государственных учреждений и предприятий. Стачка стала всеобщей, число забастовщиков превысило два миллиона человек.

События в центре России стали сигналом к выступлению на окраинах. Уже 13 октября первыми в стачку включились железнодорожники Томска, Красноярска и станции Тайга; 14 октября – Иркутска, Верхнеудинска и Читы; 15-го – Новониколаевска, Ачинска, Нижнеудинска. К 17 октября стачка охватила всю Сибирь (Рабочий класс, 1982: 249). Известие о начале забастовки было получено в Иркутске от Всероссийского Союза железнодорожных служащих ещё 13 октября. На следующий день прекратились работы в Управлении Забайкальской железной дороги. Около двух тысяч человек собрались во дворе дома Кузнеця и избрали для руководства забастовкой комитет, в состав которого вошли по два делегата от каждого отдела железной дороги, а также представители партий эсдеков и эсеров.

С 15 октября забастовка расширила свои границы. Уже к середине дня была остановлена работа во всех типографиях, закрылись магазины, частные банки и некоторые правительственные учреждения. В этот же день в Общественном собрании и в клубе приказчиков состоялись многолюдные митинги, на которых произносились речи о политических свободах. На следующий день город был в полной власти забастовщиков. Город превратился в один непрекращающийся

митинг. Тысячи людей, не допускавшие раньше и сомнения в разумности государственного строя, в одночасье сделались его ярыми противниками, требуя политических и экономических перемен.

Но не все иркутяне поддерживали забастовку, вскоре появились лица, инициировавшие стихийные нападения, жертвами которых становились невинные люди. Уже 16 октября оформилась группа людей, стремившихся любыми средствами прекратить стачку. Это часть лавочников, дворников, ремесленников и рабочих мелких предприятий. Как правило, все свои беды они связывали с проживавшими в городе евреями. Советская историография именует их «черносотенцами», однако смысл их выступлений не только в неприязни «всего еврейского», но и в ориентации на традиционные ценности – монархизм и православие, отрицании демократических перемен, которые, по их мысли, несли интеллигенты, студенты, поляки и евреи.

Несмотря на немалую еврейскую общину, «еврейского вопроса» в Иркутске не существовало, однако определённые «настроения» возникали. Вот как описывает это И. Гольдберг: «Где-то копилась черносотенная энергия, которая вот-вот должна была проявиться. Были случаи, что на митингах в общее дружное настроение вдруг ворвётся диссонансом черносотенное словечко из толпы или произойдёт попытка спровоцировать панику... На митинге во дворе Управления Забайкальской ж. д. 14-го октября, когда один из ораторов произнёс непривычное для того времени слово «бойкот», из полторатысячной толпы раздались отдельные, сразу же заглушенные крики: «Не надо жидов!.. Говорите по-русски!..» (Гольдберг, 1925: 206).

Ходили слухи, что черносотенцами руководит пристав 3-й части города Шеглов и помощник полицеймейстера Драгомиров. При бездействии властей антиеврейские настроения быстро крепились. Уже 16 октября в городе появились листовки, предупреждавшие иркутян, что «скоро евреи все возьмут в свои руки». Вечером произошли первые столкновения, были слышны револьверные выстрелы, оказалось несколько раненых. Горожане ждали погромов, были напуганы и спешили запастись оружием. Власти же выжидали, полиция бездействовала. При этом в погромах участвовали не только из идейных соображений: ходили слухи, что какие-то неизвестные лица «нанимают всякий сброд по 1,50 руб. в день, вооружают его и всеми способами стараются произвести уличные беспорядки» (ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 429. Л. 30).

Утром 17 октября черносотенцы собрались у дома Кузнеца и в 10 часов по команде стали забрасывать здание камнями. Они беспорядочно хватали и избивали всех, кто был в форме железнодорожника или телеграфиста. За одного из избиваемых вступились студенты, братья И. и Я. Виннеры, за что тотчас же были смяты и зверски убиты. Имелись жертвы с той и другой стороны. Толпа, бросившаяся громить оружейный магазин Абагина и Орлова, была встречена револьверными залпами – и здесь оказалось немало раненых. Побоище в центре города прекратилось только с приходом туда солдат. (Серебренников, 1907: 16–17). По сообщениям газет, в этот день в Кузнецовскую больницу было «доставлено 2 убитых и 15 человек с огнестрельными ранами» (ИГВ, 1905: 4187).

В ответ на действия черносотенцев, забастовщики стали энергично вооружаться, и к полудню сформировали уже несколько боевых дружин. На вечернем митинге в городском театре все выступавшие гневно осуждали погромные действия части горожан, происшедшие при попустительстве полиции, однако вечером, на возвращавшуюся с митинга публику, вновь напали черносотенцы, но были встречены плотным огнём народной милиции и, понеся потери, отступили.

Назначенный на утро 18 октября митинг был отменен стачечным комитетом из-за опасений нового нападения. Весь день происходили небольшие сходки горожан, формировались и вооружались дружины самообороны. Центром собиранья дружин стал клуб приказчиков. Губернские и городские власти, опасаясь напрасных жертв и осознавая, что ситуация с мирной забастовкой выходит из-под контроля, приняли наконец-то решительные контрмеры: по получении сведений о раздаче оружия боевым дружинам, в клуб приказчиков были направлены две роты солдат, с помощью которых жандармы арестовали шестерых активистов, раздававших оружие и отобрали 23 револьвера. Весь вечер этого дня, ночь, а также утро следующего в городе производились повальные обыски и аресты активистов рабочего движения, в том числе и членов обоих забастовочных комитетов. (Серебренников, 1907: 19). Всего в эти дни жандармами было арестовано не менее 60 руководителей забастовки (ГАИО. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 16. Л. 155–157). Уцелевшие члены стачечных комитетов под угрозой дальнейших арестов с одной стороны, и черносотенных погромов, с другой, вечером 19 октября поспешили объявить стачку оконченной.

На следующий день, 20 октября, в городе заработали извозчики, магазины, мастерские. Стачка была закончена, жизнь входила в обычный порядок. Однако 21 октября стали распространяться слухи о существовании некоего важного документа, подписанного царём, а 22 октября около 12 часов генерал-губернатору Кутайсову был доставлен из Черемхово, где работал телеграф, циркуляр с текстом манифеста 17 октября. Всего через час манифест был перепечатан в типографии и раздавался всем желающим. Город вновь забурился и вышел на улицы.

Настроение иркутян было восторженным. Повсюду раздавались крики: «Да здравствует конституция», «Да здравствует свобода!» В 15 часов в общественном собрании под председательством эсдека В.Е. Мандельберга начался «первый свободный митинг». Митинг носил характер грандиозного народного праздника: под аккомпанемент духового оркестра были пропеты

присутствовавшими революционные песни, при бурных криках и возгласах встречены освобождённые из тюрьмы члены стачечных комитетов. Город ликовал (Серебренников, 1907: 21).

23 октября в гостинице «Россия» от руки черносотенца трагически погиб действительный член ВСОИРГО, бывший консерватор музея А.М. Станиловский, а на еврейском кладбище состоялось погребение скончавшегося от ран 21 октября Я. Виннера. Покойного провожало свыше тысячи человек. Были исполнены религиозные песнопения и революционные песни. Процессия охранялась дружинниками самообороны отряда «Буря» (Колмаков, 2003: 177).

На протяжении всего 1905 г. и особенно во время Октябрьской стачки и после неё в Иркутске были отмечены не только черносотенные погромы, но наблюдалось и значительное увеличение разбоев, краж, грабежей и криминальных убийств. Так, если в 1903 г. в городе было зафиксировано 5 убийств, в 1904 – 34 (влияние Русско-японской войны), то в 1905 г. – более 30. Только за июль месяц этого года было убито восемь человек (Сысоев, 2013).

Необычайный размах уголовной преступности явился следствием не только обострения социальной напряжённости, но и заметного снижения авторитета городской и губернской власти, чему способствовала и, своего рода, «властебоязнь» высокопоставленных должностных лиц. Так, 16 ноября 1905 г. был освобождён от должности генерал-губернатор П.И. Кутайсов. Исполнять его обязанности стал генерал-майор Ласточкин. Вступивший в должность губернатора генерал-майор М.Н. Кайгородов в разгар революционных потрясений заболел и до минимума свёл свои обязанности. Функции губернатора непродолжительное время до своего ранения выполнял гражданский вице-губернатор В.А. Мишин, а затем управляющий казённой палатой И.Л. Лавров, который также вскоре «заболел», и его сменил советник губернского правления Т.П. Корейша. И лишь в самом конце декабря управляющим губернией был назначен правитель канцелярии иркутского генерал-губернаторства Н.Л. Гондатти (Шиловский, 2012: 158).

В вечернее время опасно было ходить даже по центру города: грабители гасили фонари, обирали и избивали прохожих. Фактическое бездействие властей, постоянная угроза черносотенных погромов заставили горожан принять свои меры. Первые дружины самообороны возникли ещё в октябре, а в ноябре уже действовали: «Вольная дружина» под командованием техника С.Д. Кузнецова; дружина социал-демократов из трех отрядов под командованием В.И. и И.А. Локуциевских и А. Гольдберга; дружина еврейской самообороны под началом Г.И. Кана; и дружина эсеров М.М. Прейсмана. Общее число дружинников превышало 400 человек (Колмаков, 2003: 176–177).

К концу ноября всех дружинников насчитывалось до 1000 человек. По воспоминаниям Локуциевского, только у социал-демократов было четыре дружины. Каждая имела 50–60 бойцов, вооружённых в основном револьверами, а к декабрю одна дружина почти полностью была перевооружена винтовками, другая – маузерами. Дружины в полном сборе размещались в квартирах, расположенных в различных частях города, чтобы, в случае погрома, быстро оказать противодействие (Локуциевский, 1935: 138–146).

Со второй половины ноября черносотенцы поменяли тактику: убедившись, что безнаказанные нападения на митинги невозможны, «перешли к методу борьбы «кошёвочников», накидывая ночью с кошёвки аркан на идущего в одиночку товарища или открывая по нему стрельбу». Тогда дружинники стали применять систему патрулирования по городу, разбив его территорию на участки. Каждому патрулю вручался участок, а «в определённой квартире находилась дежурная на эту ночь дружина» (Локуциевский, 1935: 141).

Дружины самообороны создавались не только по партийному принципу, имелись они и на предприятиях. В октябре были созданы группы почтово-телеграфных служащих (40 человек под командованием А.А. Семенова) и учащихся Иркутска под названием «Буря». Самостоятельная дружина была и у железнодорожников, которые в конце декабря заставили выписать оружие из материального склада, получив 558 револьверов, 30 винтовок и 11644 патрона. Дружина самообороны была и у кавказцев (Очерки, 1966: 83).

Пытались организовать свои силы правопорядка и иркутские либералы. В течение ноября и декабря 1905 г. состоялся целый ряд заседаний городской думы, посвящённых организации самообороны. Дума постановила избрать соответствующую комиссию, в состав которой вошли гласные А. С. Первунинский, М. П. Окунев, Г. Б. Патушинский, Б. П. Шостакович и И.И. Концевич. Комиссия проектировала учредить 200 пеших и 50 конных охранников, снабдив их револьверами, винтовками и шашками, однако губернское присутствие отменило это решение и городская самооборона так и не была сформирована (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 524. Л. 54–55 об.).

Грабежи в городе происходили уже вне зависимости от времени суток. 13 декабря у губернатора состоялось совещание с участием чинов военного ведомства. Было признано необходимым, ввиду принятия на себя военным ведомством формирования усиленных офицерских патрулей, предупредить иркутскую городскую думу о возможности острых столкновений между ними и дружинниками (Сысоев, 2013: 178).

Неконтролируемая организация «дружин самообороны», с которыми власти ничего не могли сделать, кроме как устно и письменно их запретить, приводила к обратным последствиям. Чувствуя власть в своих руках, участники таких дружин сами представляли опасность для обывателей.

Характерный инцидент произошёл вечером 11 декабря, когда в Кузнецком переулке «толпой охранников, человек 30–40, стрелявших в улице» (ИГВ, 1905: 4230), был ранен мещанин М. Тарасов. Он был задержан «охранниками», которые сняли с него бешмет с наличностью в кармане. По настоянию одного из «охранников», бешмет вернули, но денег в нём уже не оказалось. В тот же вечер в квасной лавке в результате стрельбы, начатой «патрульными» добровольных дружин, были убиты горожане П. Лукьянов, Г. Михайлов, П. Ильин, ссыльнопоселенец Раевский, неизвестный патрульный. Теми же «патрульными», число которых достигало 60 человек, была обстреляна чаевая Школьникова (Сысоев, 2013: 177). В ночь на 19 декабря трое крестьян на лошади, запряжённой в кошеву, были обстреляны из ружей группой людей человек 15–20, в результате чего один из крестьян был ранен в ногу. После выстрелов нападавшие разбежались (ИГВ, 1905: 4232).

Массовое вооружение населения, которое власти безуспешно пытались пресекать, привело к возникновению множественных случаев нанесения ран и убийств именно из огнестрельного оружия. В печати едва ли не ежедневно выходили сообщения о стрельбе, покоя в городе не было ни днём, ни ночью. Одинокие пешеходы на улицах могли быть обстреляны в любой момент, магазины, лавки и склады становились предметом особого интереса грабителей. 12 декабря ночью группой вооружённых людей было предпринято четыре покушения на ограбление склада агентства «Надежда» на углу Амурской и Харлампиевской улиц. Караульные склада каждый раз вступали в перестрелку, пока к утру нападавшие не скрылись (Сысоев, 2013: 178).

16 декабря 1905 г. ситуация в Иркутске обострилась до предела. В этот день в Глазковском предместье был обнаружен труп ефрейтора железнодорожного батальона Н. Кузьменко, при этом следы крови на снегу привели к чайной уроженца Кавказа Н. Хахутова. Около чайной быстро собралась большая толпа рабочих, требовавших выдачи Хахутова. По свидетельству полицейского пристава Иванова, в течение лета 1905 г. в лесу за Глазковским предместьем было поднято 12 трупов с признаками насильственной смерти, местные жителей связывали эти трупы с заведениями кавказцев. Получив отказ, толпа разгромила чайную и постоялый двор и двинулась дальше по Кругобайкальской и Александровской улицам. При этом из домов кавказцев велась по рабочим беспорядочная стрельба из ружей и револьверов, на привокзальной площади лежали раненые и убитые. К обеду толпа выросла примерно до 2,5 тысяч человек. Волнения продолжались до вечера, были подавлены военной силой, но утром следующего дня вспыхнули вновь. В результате несколько лавок, ресторанов, пекарен и номеров Глазковского предместья были разгромлены, не менее девяти человек, уроженцев Кавказа, убиты и около 15 ранены (Сысоев, 2013: 154, 161, 178–179).

Вечером того же дня группа арестантов Иркутской тюрьмы организовала восстание, обезоружив двух надзирателей и завладев их револьверами. Надзиратели, попытавшись оказать сопротивление, были подвергнуты побоям, а заключённым удалось захватить часть тюрьмы. Для подавления был вызван военный конвой, в результате чего два арестанта были убиты, два ранены, остальные сдались (Сысоев, 2013: 180). Эта попытка массового побега из Иркутского тюремного замка не была первой. Ещё 10 октября ночью в «старосекретном отделении», где в 15 камерах находились 18 «уголовных» и 27 «политических», заключённые выпилили из кроватей брусья и ножки и организовали массовый побег. В результате был тяжело ранен смотритель тюрьмы, убит его помощник и двое надзирателей легко ранены. 17 арестантов успели бежать, 9 были убиты стражей, двое тяжело ранены (один вскоре умер) и четверо легко. Некоторые из бежавших были задержаны и преданы военному суду (ГАИО. Ф.25. Оп. Оц. Д. 282. Л.1, 10).

Не обошлось в городе и без крайних проявлений революционности. Ещё в июле была предпринята попытка покушения на жизнь генерал-губернатора Кутайсова, когда в сад его дома был подброшен снаряд. По свидетельству экспертизы, он не имел достаточной разрывной силы, чтобы повредить здание. Необходимых в таких случаях мер принято не было, поскольку вследствие неопытности иркутский полицмейстер, знавший о готовящемся покушении, своевременно не сообщил об этом жандармскому управлению (ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 269. Л. 1 а).

Другие подобные акции для организаторов увенчались успехом. 23 декабря 1905 г. иркутские эсеры совершили вооружённое нападение на вице-губернатора В. А. Мишина, исполнявшего в тот период обязанности иркутского губернатора. Мишин следовал пешком из своей квартиры в губернское правление, и около Интендантского сада был обстрелян несколькими лицами, караулившими его в запряжённой линейке. Чиновник и сопровождавший его унтер-офицер были тяжело ранены, а «злоумышленники» так и не были найдены. (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 442. Л. 24–31).

Вслед за этим 26 декабря в 9 часов утра в городе был убит и.д. иркутского полицмейстера помощник его Драгомиров. Полицейский шёл по Луговой и не видел преступника, стрелявшего сзади. В этот же день на улицах города были разбросаны небольшие листки бумаги с объяснением этого убийства: «...утром во исполнение приговора Боевой Организации Партии Социалистов–Революционеров один из ее членов стрелял в и. д. Иркутского полицмейстера Драгомирова. Смерть врагам народа, прислужникам самодержавия» (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 319. Л. 2–5).

Такая безнаказанность не могла не способствовать и третьему теракту, выполненному эсерами чуть позднее, 30 октября 1906 г. Из представления прокурора Иркутского окружного суда следует, что в этот день около 12 часов дня на улице Ангарской в генерал-лейтенанта Ренненкампа «неизвестный злоумышленник бросил снаряд, который, хотя и разорвался, но никому вреда не

причинил». Метальщик был задержан вблизи места совершения преступления и отправлен на военную гауптвахту. Заседание военно-полевого суда состоялось ночью того же дня, а приговор был приведён в исполнение на следующий день в ограде Иркутского тюремного замка (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 444. Л. 5–11).

В конце декабря Иркутск был объявлен на военном положении. 15 января 1906 г. в город прибыл экспедиционный поезд барона А.Н. Меллер-Закомельского. В итоге по линии железной дороги ликвидированы все Советы и революционные рабочие организации. Леворадикальные партии – эсеры и эсдеки – вновь оказались на нелегальном положении, сворачивалась деятельность профессиональных союзов и объединений. Окрепла деятельность местных губернских и городских властей, что незамедлительно сказалось на снижении и уголовной преступности.

5. Заключение

Революционные потрясения 1905 года стали следствием резкого падения доверия к государственным властным структурам в центре и на местах, в том числе и в Иркутске. Общество ждало решительных демократических перемен и не получало их. События в Иркутске со всей очевидностью показали неспособность и слабость местной исполнительной власти адекватно реагировать на «вызовы времени». Паралич власти, ее очевидное ослабление привели к росту уголовной преступности, выразившемуся в резком увеличении краж, грабежей, убийств. Заключённые тюрем организовывали массовые побеги. Следует учитывать и то, что среди городских обывателей Иркутска, было особо много бывших ссыльных, десятилетиями оседавших в городе и его окрестностях. Именно они существенно осложняли криминогенную обстановку. Многие горожане и без того были озлоблены против «черкесов» – уроженцев Кавказа, проживавших в Иркутске и обладавших дурной славой.

Рост уголовной преступности связан не только с ослаблением власти государства в центре и на местах. Борьба революционеров-социалистов с «миром капитала», «богатством, созданным потом и кровью простого народа», не могла не способствовать вседозволенности и росту неуважительного отношения к частной собственности, вела к увеличению уголовных правонарушений и преступлений.

Литература

- ГАИО – Государственный архив Иркутской области
 Гольдберг, 1925 – Гольдберг И. То, что вспомнилось (Листки о 1905 г. в Иркутске) // *Сибирские огни*. 1925. № 4–5.
 Ефремова, 2000 – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. 2000. / URL: <https://www.efremova.info/word/kosheva.html#.WjIjXFV1-M8> (дата обращения 27.11.2017)
 ИГВ – Иркутские губернские ведомости, 1905. № 3870, 3871, 4106, 4121, 4187, 4230, 4232.
 ИИГД, 1904 – Известия Иркутской городской думы, 1904, № 17–24: сентябрь-декабрь / ред. П.Я. Гаряев. 1904. 760 с.
 ИИГД, 1905 – Известия Иркутской городской думы, 1905, № 1–8: январь-апрель / ред. П.Я. Гаряев. 1905. 481 с.
 Иркутск в панораме, 2002 – Иркутск в панораме веков: Очерки истории города. Иркутск. 2002. 512 с.
 Колмаков, 2003 – Иркутская летопись 1661–1940 гг. / Сост., автор предисл. и примеч. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. 720 с.
 Куделя, 2017 – Куделя М.В. Сумерки «красных дней»: декабрь 1905 года в Иркутске. [Б.м.], 2017. 118 с.
 Локуциевский, 1935 – Локуциевский В. Воспоминания о 1905 г. // *Сибирские огни*. 1935. Кн. 6., с. 138–146.
 Очерки, 1966 – Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Часть 1 (1901–1920). Иркутск, 1966. 382 с.
 Павлов, 2015 – Павлов Д. Террор на службе революции // *Историк.рф*. 2015. № 1. / URL: <http://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/%D1%82%Do%B5%D1%80%D1%80%Do%BE%D1%80-%Do%BD%Do%Bo-%D1%81%Do%BB%D1%83%Do%B6%Do%B1%Do%B5-%D1%80%Do%B5%Do%B2%Do%BE%Do%BB%D1%8E%D1%86%Do%B8%Do%B8/> (дата обращения 27.11.2017)
 Попов, 1989 – Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. 384 с.
 Портнягина, Патрикеева, 2017 – Портнягина Н.А., Патрикеева О.А. Революционный террор в России: влияние на ход и результаты думских избирательных кампаний (1905–1907 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 423. С. 144–149.
 Рабочее движение, 1990 – Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В 3 томах. Том 2. 1905 г. – июнь 1907 г. / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 1990. 376 с.
 Рабочий класс, 1982 – Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период / ответ. ред. Н.В. Блинов. Новосибирск, 1982. 442 с.

- Рекунова, 2012** – *Рекунова В.М.* Иркутские истории: хроники глазами беллетриста. Ч. 1 (1904–1906). Иркутск, 2012. 403 с.
- Романов, 1994** – *Романов Н.С.* Летопись г. Иркутска за 1902–1924 гг. / Подгот. Н.В. Куликаускене. Иркутск, 1994. 555 с.
- Серебренников, 1907** – *Серебренников И. И.* «Красные» дни в Иркутске (посвящается М.Е. Амосовой) // *Сибирские вопросы*. 1907. № 20. С. 16–17.
- Сысоев, 2013** – Криминальные хроники Иркутска: хронологический перечень. / Автор-составитель А. А. Сысоев. Иркутск, 2013. 352 с.
- Сысоев, Рубцов, 2001** – *Сысоев А., Рубцов С.* Иркутское общество и милиция 1905 года // *Земля иркутская*. 2001. № 15. С. 53–55.
- Тепляков, 2015** – *Тепляков А.Г.* Криминал и власть в эпоху становления советской государственности // *Новый исторический вестник*. 2015. № 3 (45). С. 44–64.
- Шиловский, 2012** – *Шиловский М.В.* Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. 320 с.
- Ascher, 1988** – *Ascher A.* The Revolution of 1905. Russia in Disarray. Stanford, 1988. 440 p.
- Figes, 1998** – *Figes O.A.* People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. New York, NY: Penguin Books, 1998. 923 p.
- Hasegawa, 2017** – *Hasegawa T.* Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd // Harvard University Press. 2017. October, 25. 368 p.
- Weissman, 1978** – *Weissman N.B.* Rural Crime in Tsarist Russia: the Question of Hooliganism, 1905–1914 // *Slavic Review*. 1978. No. 37. pp. 228–240.

References

- Ascher, 1988** – *Ascher A.* (1988). The Revolution of 1905. Russia in Disarray. Stanford. 440 p. [in English]
- Efremova, 2000** – *Efremova T.F.* (2000). Novyislovar' russkogoyazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi [New Dictionary of Russian. Interpretative and word-building]. Moscow. URL: <https://www.efremova.info/word/kosheva.html#WjIJXFVl-M8>
- Figes, 1998** – *Figes O.A.* (1998). People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. New York, NY: Penguin Books. 923 p. [in English]
- GAIO** – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archives of the Irkutsk Region] [in Russian]
- Gol'dberg, 1925** – *Gol'dberg I.* (1925). To, chto vspomnilos' (Listki o 1905 g. v Irkutске) [Then what was remembered]. *Sibirskie ogni*. 1925. Nr 4–5. [in Russian]
- Hasegawa, 2017** – *Hasegawa T.* (2017). Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd. Harvard University Press. October, 25. 368 p. [in English]
- IGV** – Irkutskie gubernskie vedomosti [Irkutsk Province Gazette], 1905. Nr 3870, 3871, 4106, 4121, 4187, 4230, 4232. [in Russian]
- IIGD, 1904** – Izvestiya Irkutskoi gorodskoi dumy [News of the Irkutsk City Duma], 1904, Nr 17–24: September–December. 1904. 760 p. [in Russian]
- IIGD, 1905** – Izvestiya Irkutskoi gorodskoi dumy [News of the Irkutsk City Duma], 1905, Nr 1–8: January–April. 1905. 481 p. [in Russian]
- Irkutsk v panorame, 2002** – Irkutsk v panorama vekov: Ocherki istorii goroda [Irkutsk in the panorama of centuries: essays on the history of the city]. Irkutsk. 2002. 512 p. [in Russian]
- Kolmakov, 2003** – *Kolmakov Yu.P.* (2003). Irkutskaya letopis' 1661–1940 gg. [Irkutsk chronicle 1661–1940]. Irkutsk. 720 p. [in Russian]
- Kudelya, 2017** – *Kudelya M.V.* (2017). Sumerki «krasnykh dnei»: dekabr' 1905 goda v Irkutске [Dusk of the «red days»: December, 1905 in the Irkutsk]. 118 p. [in Russian]
- Lokutsievskii, 1935** – *Lokutsievskii V.* (1935). Vospominaniya o 1905 g. [Memories of 1905]. *Sibirskie ogni*. B. 6. pp. 138–146. [in Russian]
- Ocherki, 1966** – Ocherki po istorii Irkutskoi organizatsii KPSS [Essays on the history of the Irkutsk organization of the CPSU]. Part 1 (1901–1920). Irkutsk, 1966. 382 p. [in Russian]
- Pavlov, 2015** – *Pavlov D.* (2015). Terror na sluzhbe revolyutsii [Terror at the service of revolution] // *Istoric.rf*. Nr.1. – URL: <http://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/%D1%82%Do%B5%D1%80%D1%80%Do%BE%D1%80-%Do%BD%Do%Bo-%D1%81%Do%BB%D1%83%Do%B6%Do%B1%Do%B5-%D1%80%Do%B5%Do%B2%Do%BE%Do%BB%D1%8E%D1%86%Do%B8%Do%B8/> [in Russian]
- Popov, 1989** – *Popov I.I.* (1989). Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora [Forgotten Irkutsk pages: scraps of the editor]. Irkutsk. 384 p. [in Russian]
- Portnyagina, Patrikeeva, 2017** – *Portnyagina N.A., Patrikeeva O.A.* (2017). Revolyutsionnyi terror v Rossii: vliyanie na khod i rezul'taty dumskikh izbiratel'nykh kampanii (1905–1907) [Revolutionary Terror in Russia: Influence on the Course and Results of Duma Election Campaigns]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Nr. 423. pp. 144–149. [in Russian]
- Rabocheedvizhenie, 1990** – *Rabochee dvizhenie v Sibiri: istoriografiya, istochniki, khronika, statistika* [Labor movement in Siberia: historiography, sources, chronicle, statistics]. In 3 volumes. Vol. 2. 1905 – June 1907. Tomsk, 1990. 376 p. [in Russian]

- Rabochiiklass, 1982** – Rabochii klass Sibiri v dooktyabr'skii period [The proletariat of Siberia in the pre-October period]. Novosibirsk, 1982. 442 p. [in Russian]
- Rekunova, 2012** – *Rekunova V.M.* (2012). Irkutskie istorii: khroniki glazami belletrista [Irkutsk stories: chronicles through the eyes of the writer]. Part 1 (1904–1906). Irkutsk. 403 p. [in Russian]
- Romanov, 1994** – *Romanov N.S.* (1994). Letopis' g. Irkutskaza 1902–1924 gg. [The chronicle of Irkutsk in 1902–1924]. Irkutsk. 555 p. [in Russian]
- Serebrennikov, 1907** – *Serebrennikov I.I.* (1907). «Krasnye» dni v Irkutske [«Red» days in Irkutsk]. *Sibirskie voprosy*. 1907. Nr 20. pp. 16–17. [in Russian]
- Shilovskii, 2012** – *Shilovskii M.V.* (2012). Pervaya russkaya revolyutsiya 1905–1907 gg. v Sibiri [The first Russian revolution of 1905–1907 in Siberia]. Novosibirsk. 320 p. [in Russian]
- Sysoev, 2013** – *Sysoev A.A.* (2013). Kriminal'nye khroniki Irkutsk: khronologicheskii perechen' [Chronicles of Irkutsk: chronological list]. Irkutsk. 352 p. [in Russian]
- Sysoev, Rubtsov, 2001** – *Sysoev A., Rubtsov S.* (2001). Irkutskoe obshchestvo I militsiya 1905 goda [Irkutsk society and militia of 1905]. *Zemlya irkutskaya*. Nr 15. pp. 53–55. [in Russian]
- Teplakov, 2015** – *Teplakov A.* (2015). Kriminal i vlast' v epokhu stanovleniya sovetskoi gosudarstvennosti [Crime and Power in the Era of Formation of the Soviet Statehood]. *Novyi istoricheskii vestnik*. No.3 (45). pp. 44–64. [in Russian]
- Weissman, 1978** – *Weissman N.B.* (1978). Rural Crime in Tsarist Russia: the Question of Hooliganism, 1905–1914. *Slavic Review*. Nr. 37. pp. 228–240. [in English]

Революция 1905 г. в Иркутске и уголовная преступность

Александр Александрович Иванов ^{a, *}, Анастасия Викторовна Данчевская ^b

^a Иркутский государственный университет, Российская Федерация

^b Иркутский государственный университет путей сообщения, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния Первой русской революции в Иркутске на рост уголовной преступности. Проанализировав значительный круг документальных и историографических материалов, авторы приходят к выводу о том, что события 1905 г. в Петербурге и Иркутске носили закономерный характер и стали проявлением неспособности самодержавного государства гибко и своевременно отвечать на «вызовы времени». Абсолютное большинство иркутских жителей с энтузиазмом и одобрением встретили демократические перемены. Но революционные события способствовали созданию иллюзии вседозволенности, привели к росту политического экстремизма. Это проявилось не только в убийствах высших должностных лиц и экспроприациях, но и в не меньшей мере в росте уголовной преступности. Возрастание её началось уже в 1904 г. в связи с Русско-японской войной и усилилось в 1905 г. на фоне развития революционного стачечного движения и продовольственных проблем. Массовое вооружение населения привело к росту числа таких тяжких преступлений, как убийства и разбойные нападения, которые происходили и днём, и ночью. При этом разногласия между административной властью и органами местного самоуправления не позволяли ни увеличить до необходимых размеров штаты городской полиции, ни официально создать подчинённые городской думе народные дружины. Таким образом, власть росту преступности противостоять не могла, а стихийно созданные отряды самообороны сами становились угрозой для населения.

Ключевые слова: революция 1905, радикальные настроения, Русско-японская война, Октябрьская стачка, уголовная преступность, убийства, погромы, дружины самообороны, Иркутск, Восточная Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ottisk@irmail.ru (А.А. Иванов), vashan16@mail.ru (А.В. Данчевская)